

Узакшыны дзетектыў

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Засада на белой полосе,
или Пенсне для слепой курицы

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Засада на белой полосе, или
Пенсне для слепой курицы**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Засада на белой полосе, или Пенсне для слепой курицы /
Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Изысканный детектив от Галины
Куликовой)

ISBN 5-699-04526-0

На что способна женщина, если ее по-настоящему рассердить? А четыре рассерженные женщины?.. В жизни Марины Заботиной началась черная полоса. Ее похитили, привезли на ее же собственную дачу и потребовали писать ежедневные доносы на шефа, преуспевающего бизнесмена. Возмущенная Марина, естественно, отказалась, но уже на следующий день при странных обстоятельствах умер ее муж Матвей. Самоубийство! – уверенно утверждает милиция. Но даже слепая курица невооруженным глазом заметит, что это не так. Марине надо что-то делать, но что?.. Вскоре она знакомится с тремя дамами, которых постигла та же самая участь, и – решает действовать! Она сколачивает из бедных вдов отряд быстрого реагирования, который, не щадя живота своего, бросается ловить убийц, шантажистов и негодяев...

ISBN 5-699-04526-0

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Содержание

Галина Куликова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Галина Куликова

Засада на белой полосе или Пенсне для слепой курицы

Диета! Многим женщинам знакомо это емкое слово, вмещающее в себя литры обезжиренного кефира, чай из шиповника, огурцы, приправленные простоквашей, и грезы о жареном цыпленке, ватрушках и мороженом. Когда началась эта история, я как раз сидела на диете, именно поэтому все произошедшее стопроцентно ассоциируется у меня с чувством голода.

Собственно, на диету я села ради своего мужа Матвея – человека благородного происхождения, достаточно известного в Москве композитора. Он вращался в тех кругах, где водились певицы, модели и актрисы всевозможных размеров и оттенков. Чтобы вовсе не выйти в тираж, я начала безжалостную борьбу со своим сорок восьмым размером. Когда становилось совсем невмоготу, я жевала «Орбит», и фантиками от него к концу второй недели можно было оклеить бывший Колонный зал Дома союзов.

Кстати сказать, Матвей ни капельки не ценил моих усилий. Его даже веселила моя молчаливая дуэль с холодильником.

– Ну, что? – спрашивал он, небрежно бросая свой белоснежный пиджак на спинку кресла. – Весы все еще зашкаливают?

Впрочем, он считал, что женщинам следует прощать абсолютно все. По причине их врожденной умственной ограниченности. Женщина, полагал Матвей, должна доставлять эстетическое удовольствие, не более того. Я не сразу разобралась в его варварской философии, а когда разобралась, вступать в полемику уже не хотелось. Звезды больше не загорались в моих глазах при взгляде на его высокий лоб, римский нос, зеленые глаза, в которых светилась искра божья, и соломенные волосы, спускавшиеся ниже воротничка рубашки. Он зачесывал их назад, как Александр Годунов, и, кажется, делал это специально, потому что ему нравилось сходство.

Несмотря на отсутствие детей, мы не развелись. У каждого из нас были на это свои причины. После смерти родителей я долгое время жила одна и невзлюбила одиночество пуще неволи. Я боялась темноты, почти не спала ночью, если рядом никого не было, и ненавидела возвращаться в пустую квартиру. Поэтому Матвей казался мне хоть каким-то выходом из положения. Он создавал в доме «эффект присутствия», который пока что перевешивал все остальное.

Матвей, в свою очередь, тоже нуждался в такой жене, как я, для того, чтобы во всяком обществе выглядеть достойно. Неженатого композитора, ясное дело, или заподозрят в склонности к своему полу, или примутся осаждать нахальные девицы, мечтающие о выгодном браке. Известно, что у каждой из них хватка бультерьера. Увлекающийся Матвей опасался проявить слабость в неподходящий момент. Так что я была его «крышей». Для этой цели я подходила стопроцентно – у меня были сносная внешность и университетское образование. Что касается любви, то она бежала из нашего дома примерно год назад. Наверное, тоже узнала об изменах Матвея – наглых и красиво обставленных.

Говоря по правде, мне на это наплевать, потому что я влюблена в своего нынешнего шефа Горчакова. Я считаю его верхом совершенства, но он безнадежно женат. На работу меня устроил Матвей полгода назад, когда ему показалось, что я заскучала. Он попросил своего приятеля, с которым еженедельно парился в бане, пристроить куда-нибудь журналистку, не имеющую опыта работы. Приятель, недолго думая, позвонил Горчакову, который был ему чем-то обязан, и через два дня я уже имела свой стол в офисе фирмы под названием «Альбина». Горчаков понятия не имел, куда деть лишнего и абсолютно бесполезного сотрудника, поэтому должность для меня ему пришлось придумать. Так я стала его помощницей.

«Альбина» – полиграфическое предприятие, малое, но конкурентоспособное. Меня грела мысль о том, что со временем шеф поймет, что к моему телу, кроме длинных ног, еще приставлена какая-никакая голова. Гораздо позже я поняла, что надо было начинать именно с ног.

Кроме меня, в офисе сидела еще секретарша. У нее роскошное имя Олимпиада и смешная фамилия Бумажкина. Все зовут ее просто Липой. Она девушка невысокая и в теле. Если кто и подбирал ее на должность секретарши, то, конечно, жена Горчакова. К такой, как Липа, трудно приревновать. Она отличается стойким равнодушием к мужчинам, обладает оптимизмом и некоторой долей врожденного хамства: ни одну реплику не оставляет без ответа. Считается, что она цинична, хотя на самом деле Липа, как мне кажется, просто большой испорченный ребенок. Шефа она тем не менее уважает, а ко мне относится без всякой враждебности. И я это ценю.

Все началось в пятницу. Ничто не предвещало беды. Горчаков после обеда в офисе отсутствовал, и мы с Липой немножко расслабились. Когда шеф позвонил и сказал, что сегодня не придет, она предложила:

– Можешь уйти пораньше.

Сама она не имела права бросить телефон ни на минуту. Я с благодарностью приняла предложение и, поправив макияж, тронулась в сторону метро. В тот день должен был состояться последний семинар из цикла «Как изменить свою жизнь», куда я записалась в приступе жалости к себе. Но на семинар в тот день я так и не попала.

В Москве стояло лето – было так жарко, что каблучки вязли в асфальте и весь город бился в духоте, словно горячечный больной, жаждущий воды и прохлады. Едва я вышла из офиса и сделала несколько торопливых шагов, как услышала позади урчание мотора. Меня обогнала светлая иномарка – серебристая и длинная, словно рыбина. Она затормозила чуть впереди, мгновенно открылись обе дверцы, и на свет божий появились двое парней, похожие друг на друга, как близнецы. Светло-серые брюки, белые рубашки с закатанными до локтей рукавами и узкие галстуки, одинаковые стрижки, невыразительные глаза. «Двойняшки» улыбались. Я тоже стала улыбаться, потому что шли они ко мне.

Правда, улыбка – это единственное, что я успела им продемонстрировать. Потому что в следующую секунду меня с двух сторон взяли под белые ручки и потащили к машине. «Вот почему жертвы похищений никогда не кричат, – пронеслось у меня в голове. – Они просто не успевают сообразить, что происходит».

– Помогите! – только и успела пискнуть я. Но было уже поздно.

Я оказалась на заднем сиденье иномарки, зажата между похитителями-«близняшками». Шофер – человек в каскетке и темных очках – даже не обернулся. Он сразу же тронул машину с места. Только что я стояла на тротуаре возле своего офиса, а теперь нет меня. Ищи-свищи.

– Не волнуйтесь, – не поворачивая головы, сказал тот из «близнецов», что сидел справа.

Говорил-то он мягко, но держал меня так, что после его пальцев на руке обязательно останутся синяки. Если это вообще будет иметь в моей жизни какое-то значение...

«Слава богу, они не горцы, – в первую секунду с облегчением подумала я. – И я не стану еще одной безымянной кавказской пленницей». Но потом услужливый мозг подсказал, что и соотечественники вполне могли взять меня в качестве заложницы, чтобы самым банальным образом выколотить из Матвея деньги. У него было припрятано кое-что на черный день, и догадаться об этом, учитывая его образ жизни, особого ума не требовалось. Я со страхом поняла, что муж может запросто отказаться платить, понадеявшись на милицию, и после бесплодных переговоров с ним меня бросят в какую-нибудь канаву. Уже мертвую, естественно.

Во рту мгновенно пересохло.

– Куда вы меня везете? – выдавила я из себя.

Понятное дело, мне никто не ответил. Пугало, что мне не завязали глаза. Подобная беспечность означала только одно – живой меня отпускать не собираются. Сердце мое сначала нырнуло в пятки, потом вернулось обратно, но уже совершенно в другом состоянии – оно колотилось о ребра с отчаянием узника, требующего немедленной свободы.

Странная это была поездка! Мы сидели на заднем сиденье втроем, держась за руки, как добрые друзья. Я озиралась по сторонам и хлопала глазами, как сова, которую вытащили из дупла среди бела дня. Дорога была мне знакома – именно по ней мы с Матвеем ездим на Клязьминское водохранилище, где у нас есть дача. Могло ли знание пути помочь мне в дальнейшем? Вряд ли. Меня одолевали плохие предчувствия...

Через некоторое время я снова отважилась задать вопрос, пристально поглядев на каждого из моих безмолвных стражей.

– Зачем я вам нужна, мальчики?

– Надо поговорить, – произнес тот, что сидел слева. – Просто поговорить, не бойтесь.

Ничего себе – «не бойтесь»!

– Вам предстоит встретиться с одним человеком, – добавил тот, что справа. – Он сам все объяснит.

– Денег у нас в семье нету, – сообщила я, зажмурившись от ужаса. – Они, конечно, были. Но я их все пропила. Алкоголизм, знаете ли, ужасная штука...

В ответ – ни звука, и меня тотчас начало тошнить от страха. Однако до этого дело не дошло, потому что путешествие неожиданно закончилось. Приехали мы не куда-нибудь, а именно на нашу с Матвеем дачу. Меня пригласили войти, словно я была тут в гостях. Галантно придержали дверь. «Близнецы» остались на улице, а шофер вошел следом за мной в гостиную, расположенную на первом этаже. Он не снял ни каскетки, ни очков, так что я не видела его глаз. Мне казалось, что они должны быть равнодушными. Потому что всю дорогу этот тип насвистывал, словно вез на заднем сиденье не похищенную среди бела дня женщину, а пару ящиков пива.

В центре гостиной, заложив руки за спину, стоял худой человек в просторном льняном костюме и улыбался. На вид ему было лет сорок пять. Скуластое загоревшее лицо, две большие залысины на лбу, блеклые глаза и длинный горбатый нос, вносящий в абсолютную симметрию немного приятного разнообразия.

– А вот и вы, Марина Александровна! – сказал он.

Я подумала, что незнакомец подает мне руку для знакомства, однако он протягивал удостоверение. Правда, подержать он мне его не дал, просто сунул под нос, совершенно, на мой взгляд, невежливо. Я только успела разобрать, что этот человек – сотрудник ФСБ, и заметила несомненное сходство фотографии с оригиналом.

Когда удостоверение исчезло в кармане его пиджака, я громко произнесла:

– Как к вам обращаться? Извините, не разглядела вашей фамилии. – Моя фамилия Шлыков, – ответил незнакомец, продолжая улыбаться. – А обращаться ко мне можете по имени-отчеству: Константин Петрович. Извините за то, что мы так вот вторглись... Просто не хотелось вас пугать и везти в незнакомое место.

Он добавил в свою лучезарную улыбку немного жесткости и, указав мне на диван, уселся в любимое кресло Матвея.

– Что ж, давайте поговорим. Вы, конечно, догадались, что речь пойдет об очень ответственном и секретном деле.

Пока я догадалась только о том, что меня не собираются убивать, и на первое время этого оказалось достаточно для того, чтобы впасть в эйфорию. Именно поэтому улыбка Шлыкова в тот момент отразилась на моем лице, словно в зеркале.

– Нас интересует ваш шеф, Горчаков, – продолжал между тем человек из спецслужбы.

Моя улыбка тотчас пожухла и скукожилась, как сгоревшая бумажка. А Шлыков произнес:

– У этого парня кое-что неладно. И это «кое-что» заставляет нас беспокоиться.

Я думала, что готова ко всему, но, когда услышала фамилию Горчакова, растерялась. Он – мой идеал, мужчина из сновидений, за один поцелуй которого я готова сбежать на край света, – вляпался в какую-то историю, заинтересовавшую ФСБ. Сегодня на моих чувствах играли, словно на рояле, – трогая по очереди все имеющиеся в наличии клавиши. Мне показалось, что из комнаты улетучился воздух, и я стала хватать его открытым ртом.

Шлыков или не замечал моего состояния, или делал вид, что не замечает. «Ни в коем случае нельзя показать, что я влюблена в своего шефа», – подумала я и постаралась взять себя в руки.

– В сложных ситуациях приходится прибегать к услугам простых честных граждан, – продолжал Шлыков. – Поверьте, мы действительно просим пойти на сотрудничество только в самых крайних случаях. Сейчас именно такой случай.

– И что вам нужно? – сдавленным голосом спросила я.

– Нам нужна информация, – жестко ответил он.

Я не представляла, что у ФСБ могут возникнуть проблемы с добыванием информации. С другой стороны, я ведь не специалист в таких делах. Черт их знает, как они это делают и какие препятствия встают у них на пути?!

– У вашего шефа есть специальные люди, наши бывшие сотрудники, которые мгновенно заметят и прослушку, и слежку. А мы не можем этого допустить.

Я кивнула. У Горчакова в самом деле состоял на службе некий тип по фамилии Крылов – скользкий, как кубик льда. Даже на вопросы о погоде он отвечал уклончиво и создавал впечатление фантома – то ли есть он, то ли нет.

– Ни Горчаков, ни его люди не должны даже заподозрить, что за ними наблюдают. – Слова Шлыкова сильно смахивали на инструкции, и я невольно сосредоточилась. – Мы просим вас, Марина Александровна, проявить высокое гражданское сознание и оказать нам посильную помощь.

– Но я не могу, – пробормотала я.

– Посильную, – еще раз повторил он. – Никто не требует от вас подвигов разведчика.

– Что же я должна сделать?

– Всего-навсего обратить внимание на всякие мелочи: когда Горчаков появляется на работе, когда уезжает, с кем. Кто ему звонит в течение дня. О чем идет разговор. Нас интересует все: его контакты, служебные и личные, семейная жизнь, деловые планы.

– Но я всего лишь девушка из приемной! – горячо возразила я.

Конечно, я лукавила. Шлыков знал, к кому обращаться. Я могла стать отличным источником информации.

– Марина Александровна, мы не обсуждаем сейчас ваши возможности. Ибо отлично осведомлены о них. Мы даем вам задание государственной важности.

Возле двери зашевелился шофер, про которого я совершенно забыла. Он по-прежнему был невозмутим и безмолвен.

– Это Егор, – кивнул в его сторону Шлыков. – Он будет на связи. Если что, мы позвоним вам домой или в офис.

Шлыков повернулся к своему молодому подчиненному и выразительно повел бровью. Тот неохотно стянул с себя очки и каскетку. Вероятно, это было сделано для того, чтобы в следующий раз я узнала своего связного. Физиономия у него оказалась абсолютно заурядной – о таком ни за что не вспомнишь, даже если просидишь напротив него в электричке часа полтора. Что ж, наверное, это их фирменный стиль. Не зная, что сказать в ответ на своеобразный стриптиз Егора, я быстро кивнула. Он никак не прореагировал.

– По вечерам, – продолжил Шлыков, уверившись, что я рассмотрела его парня, – вы будете заезжать на Казанский вокзал и отдавать нашему курьеру сведения. Пусть, на ваш

взгляд, это будут ничего не стоящие мелочи. Мы сами разберемся, что важно, а что нет. Договорились?

– Мне надо будет все записывать? – спросила я, расстроившись окончательно.

«Может быть, есть хоть какая-то возможность отказаться от столь почетного задания? Сейчас ведь не тридцать седьмой год. Не расстреляют же меня, в конце-то концов!»

Шлыков будто подслушал мои мысли. Да что там – наверное, он уже собаку съел на таких делах. Я абсолютно убеждена, что все люди ведут себя в сходных обстоятельствах одинаково. И таких красивых, как я, эти парни обработали наверняка не один десяток.

– Не советую вам придумывать отговорки, – он впервые за все время разговора расстался со своей улыбкой. – Я не учитель, а вы не первоклассница. Каждого человека можно уговорить делать то, что нам нужно. Для этого есть масса способов. Не заставляйте меня прибегать к ним, хорошо?

Я испугалась, что меня станут мучить, поэтому тут же побледнела и кивнула.

– Вы будете приезжать на Казанский вокзал к половине восьмого вечера через день. Кроме выходных, конечно. Начнем прямо с понедельника. Подойдете к пригородным кассам, к любому закрытому окошку. Там их миллион, и какие-то обязательно не работают. Покопаетесь в сумочке, а записку, предназначенную для передачи, просто положите рядом. Подождете пару минут, пока ее заберут. Ничего сложного, правда?

– Через день в половине восьмого. Пригородные кассы Казанского вокзала, – дрожащим голосом повторила я. – Начиная с понедельника.

В настоящий момент мне хотелось поскорее отделаться от этих людей и остаться одной, чтобы все как следует обдумать. Хотя на самом деле обдумывать было нечего. За меня уже все решили.

– И постарайтесь сблизиться со своим шефом. Вы девушка симпатичная, он наверняка не устоит, – Шлыков не оставлял мне ни одной лазейки. – Нас интересуют и его неформальные отношения в том числе.

– А если мне удастся с ним, как вы выражаетесь, сблизиться, нужно будет описывать все подробности? – на всякий случай спросила я, чтобы представить масштабы предстоящего предательства.

– Пишите обо всем, – почти нежно улыбнулся Шлыков. – Кстати, отвезти вас домой?

Представив себе еще одно путешествие в обществе этих «приятных» людей, я резко покачала головой.

– Нет, знаете ли, – трусливо сказала я, – лучше я останусь здесь. Сегодня как раз пятница. Впереди уик-энд. Так что все получилось удачно.

Почему-то только теперь эти люди начали внушать мне тот страх, которого были достойны. Особенно напрягал молчаливый Егор, которому от силы исполнилось лет двадцать. Как ни прискорбно, но он имел надо мной власть. Потому что олицетворял не какую-то там физическую силу, с которой в крайних обстоятельствах может попытаться поспорить любая женщина, а силу другого плана: за его спиной стояло то, что мы привыкли называть машиной, механизмом – безликим и безжалостным.

Шлыков и его подчиненный покинули дом, словно гости, завершившие приятный визит. Я же некоторое время не двигалась с места, испытывая такое чувство, будто со мной только что произошел несчастный случай. В сущности, так оно и было. Как еще можно рассматривать ситуацию, в которую я попала?

Интересно, чем мог заинтересовать службу безопасности рядовой бизнесмен Горчаков? Неужели, помимо основной деятельности, он занимается чем-то еще? Вдруг он шпион иностранной разведки? Есть в нем что-то такое... притягательное, неуловимо чудесное, что отличает его от всех остальных мужчин. Но почему шпион занимается малой полиграфией?

Вопросы назойливо лезли мне в голову, я с трудом разогнала их, словно стаю ворон, предвещающих несчастье.

Остаться одной за городом не было никакого желания. А как, скажите на милость, без машины попасть домой? В пятницу все едут из Москвы, а не наоборот. Вряд ли найдешь попутчика среди соседей. И все же мне повезло. Выйдя на дорогу, я подцепила жену одного из Матвеевых друзей, девицу, которая изо всех сил лезла на профессиональную сцену. У нее на счету было целых два клипа. Это приносило ей столько чистой радости, что не разделить эту радость казалось просто аморальным. Всю дорогу она щебетала, как сытая канарейка, и мне оставалось только кивать и поддакивать.

Лишь в одиннадцатом часу вечера я открыла дверь своей квартиры. Матвея дома не было. Опять у него творческие встречи! Впрочем, сей факт уже давно не вызывал у меня ни раздражения, ни обиды. Сама мысль о том, что рано или поздно он все-таки явится, согревала душу. Я быстро разделась и легла, отвернув для мужа краешек одеяла. Сон не шел. Комната была наполнена голубоватым светом. То ли это луна сегодня такая яркая, то ли где-то напротив окон смонтировали очередное рекламное табло.

Я встала и направилась к балкону. Проходя мимо зеркала, глянула на свое отражение и поняла, что здорово похудела. Однако не испытала никакой радости. Понравиться Горчакову! Теперь это было задание, а не стремление души. Я села на кровать и хмуро уставилась в стену.

В этот момент в замке осторожно повернулся ключ. Сердце мое испуганно всполохнулось. Может, это Шлыков пришел посмотреть, что я делаю ночью. Но это, естественно, был Матвей. От него за километр несло изменой.

– Ты не спишь! – сказал он с детской обидой, открывая дверь в спальню. Тут же ему в голову пришло оригинальное объяснение моей бессонницы: – Небось жрать хочешь?

Я мгновенно вспомнила о том, что с обеда ни крошки в рот не брала. Аппетит тем не менее не появился. Это был плохой знак. Он показывал, что в моем организме произошел очередной переворот и власть захватила нервная система.

– Где ты был? – машинально спросила я.

– Ужинал в ресторане.

Матвей снимал с себя одежду и сваливал ее кучей. После бурно проведенного вечера от него пахло женским парфюмом.

– Матвей, мне хочется плакать, – неожиданно для себя призналась я.

Муж застыл на месте с галстуком в руке и наморщил лоб. Наверное, он думал, что я снова начну его подкалывать, как это случалось всегда, когда он попадал под супружеский кров прямо из объятий очередной пассии. Мой жалобный голос его обескуражил. И даже растрогал. Он бросил галстук на ковер и, подсев ко мне, обнял за плечи.

– Ну что ты, киска? Что случилось?

Я изо всех сил прижалась к нему. Иллюзия защиты! Матвей добрый, потому что от него требуется только нежность. Если я начну создавать ему настоящие сложности, он тут же отмахнется от меня, как от надоедливой комара.

– Не знаю, – соврала я. – Напало что-то.

– Хочешь, займемся сексом? – мужественно предложил он.

– У меня от голода нет сил.

– Слушай, может, ты закончишь самоистязание? Давай я изжарю тебе яишенку с помидоркой, положим на нее тонкий ломтик ветчины. Ты покушаешь и хорошо выспишься?

Какой милый! На мои глаза точно навернулись бы слезы, не знай я, что степень его нежности ко мне прямо пропорциональна его блудливости.

– Нет, лучше лягу спать. Я рада, что ты вернулся.

В этом я не лукавила. Я действительно была рада, что он здесь и ворочается рядом, блаженно вздыхая во сне. Матвей обладал замечательной способностью засыпать мгновенно,

едва коснувшись головой подушки. Всю ночь я обнимала его, как ребенок обнимает любимого мишку, когда родители уже погасили свет и закрыли дверь с другой стороны.

В субботу мы встали поздно. Вечером предстоял выход в свет, намечался день рождения одного певца, который он решил отметить в клубе «Триумфатор». Достойное место для человека, как молью, слегка побитого манией величия.

С чувством глубокого удовлетворения я надела платье. Ранее я с ним мысленно уже рассталась, как со слишком тесным вместилищем своего тела. Матвею нравилось, что жена хорошо выглядит. Я накрутила волосы и оставила их распущенными. Даже на шпильках я была ниже своего мужа.

В начале вечера Матвей не отходил от меня, представляя своим новым знакомым. Но вот появились музыканты, и на большом, выложенном мрамором кругу собрались желающие потанцевать. Музыка полилась тягучая и сладкая, словно сгущенка, и пары под нее медленно вертелись, прилипли друг к другу.

На первый танец Матвей уступил меня известному телевизионщику. Работа в эфире свернула тому мозги, и он трещал без умолку, будто я была частью его телеаудитории. Было видно, что я ему нравлюсь. Может, я действительно выглядела неплохо. Но после вчерашней встречи с фээсбэшниками во мне образовалась невидимая взгляду червоточина, она разрушала меня незаметно, но неотвратно.

Поверх мужского плеча я рассматривала людей, которые наполняли зал, и переводила глаза с одного лица на другое. И вдруг... Увидела Егора! Вчерашнего шофера и моего нынешнего связного. Я так сильно вздрогнула, что напугала своего партнера.

– Что такое? – удивился он. – Случилось что-то ужасное?

– Вспомнила страшный сон, – пробормотала я, а про себя подумала: «Какого черта он приперся? По выходным я не обязана встречаться с Горчаковым и доносить на него!» Выходит, за мной теперь постоянно следят? Просто так, на всякий случай, чтобы я не выкинула какой-нибудь фортель. Интересно, что я могу выкинуть? Выйти на сцену, отобрать у певца микрофон и рассказать благородному собранию о том, как вчера на собственной даче меня завербовала ФСБ?

Я снова подняла глаза и уперлась ненавидящим взглядом в Егора. Он же смотрел на меня так, словно я была просто пятном на стене. Дождавшись последних аккордов мелодии, я рассталась с телевизионщиком и поступью Командора направилась к Егору.

– Разрешите вас пригласить? – спросила я голосом, в котором напрочь отсутствовала томность.

Мерзкий тип даже не соизволил кивнуть. Я взяла его за руку и потащила в круг танцующих.

– Белый танец, – сказала я. – Дамы приглашают и поют.

И опустила руки на плечи Егора. На его лице появилось отвращение. Сегодня он выглядел совсем иначе, чем в момент нашей первой встречи: на нем был летний костюм фисташкового цвета, пара прядей на макушке обесцвечена, в правом ухе – маленькая круглая серьга. Я положила голову ему на плечо – это была бесшабашная храбрость из серии: «Эх, помирать, так с музыкой!»

Как только я это сделала, тут же почувствовала резкий рывок – Егор одним движением притянул меня к себе и прижал к своей груди так, что я едва не заорала.

– Никогда больше не афишируйте нашу связь, – сквозь зубы прошипел он мне в самое ухо, пощекотав его зловещными интонациями.

Я думала, что после этого он изо всех сил оттолкнет меня и я пролечу через весь зал, приземлившись на пятую точку. Вместо этого он снял мою руку со своего плеча, отвел ее вбок, сжал пальцы, и в такт музыке начал точными сильными движениями бросать меня из стороны

в сторону, ловить, поворачивать, прижимать к груди и фиксировать там на пару ударов сердца. «Черт побери! – ахнула я про себя. – Их там учат даже танцевать!»

Мне никогда не доводилось попадать в руки столь умелого партнера. Я была игрушкой в его руках и бессознательно подчинялась чужой воле. Наше сольное выступление закончилось тем, что он положил меня спиной на свое колено, потом легко поднял, повернул за плечи лицом к себе, наклонился и запечатлел на моих губах короткий стерильный поцелуй. При этом в его глазах ничего не отразилось. Вообще ничего. Пустыня Гоби после песчаной бури.

– В понедельник на Казанском, – шепнул он напоследок и быстрыми шагами направился в глубь зала.

Расступившаяся толпа танцующих весело заплотировала. Я непроизвольно вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Что это за мальчишка? – спросил подошедший Матвей и сунул мне в руку бокал с шампанским.

Он был недоволен тем, что на жену обратили внимание, а его в этот момент не оказалось рядом.

– Так, какой-то хлыщ... – неопределенно ответила я.

Мне с трудом удавалось сохранять хладнокровие.

– Танцевать с хорошим партнером – все равно, что публично заниматься любовью, – сказал подошедший именинник.

Все афоризмы, которые он знал, были на одну тему. Волосы поп-идола, заплетенные в десятки косичек толщиной с мышиный хвост, разбудили мое воображение. Интересно, сколько времени он сидел в парикмахерском кресле, любуясь на себя в зеркало? Ох уж эти мужчины!

В конце вечера Матвея попросили сыграть на рояле. Он расцвел и, получив в свое распоряжение инструмент и всеобщее внимание, выдал чудесную романтическую мелодию, которую лично я никогда прежде не слышала. Мне она так понравилась, что на время я даже забыла о том червячке, что сидел внутри меня. Музыка уносила в чудесное никуда...

– Он классный парень, твой муж, – шепотом сказал мне на ухо незаметно подошедший сзади Егор. – Жаль, если с ним что-нибудь случится. Не правда ли?

Я резко обернулась, но моего мучителя уже не было. На сегодня он исчез окончательно, снова лишив меня покоя.

Все воскресенье я представляла себе, как буду шпионить за Горчаковым, и это приводило меня в отчаяние. «Почему я? Почему не Липа, например? А это отвратительное предписание забраться к шефу в постель!» Задание явно было с душком, но что же делать?

В понедельник я впервые за время работы на фирме изменила своим принципам и явилась на службу в открытом коротком платье. По моим личным стандартам, это почти что порнография. Липа даже внимания не обратила на мой вид: все игрища, касавшиеся взаимоотношений полов, она стойко игнорировала. Если ее кто-нибудь не втягивал в спор, конечно. Тогда – берегись. Она могла вогнать в краску кого угодно.

Зато Горчаков, кажется, был слегка озадачен. Еще бы! Я вечно изображала из себя одуванчик, а тут вдруг голые плечи, длинные ноги – с ума сойти.

– Здравствуйте, э-э-э... – сказал он и, замешкавшись на пороге, тупо глядел на меня несколько долгих секунд.

Я в ответ мило улыбнулась и в унисон Липе пропела:

– Здра-а-авствуйте!

Горчаков был моей тайной любовью. Мечтой, причем изначально недостижимой. Это было примерно то же самое, что влюбиться в какого-нибудь Тома Круза. Горчакова тоже нельзя потрогать руками, хотя каждый божий день я подходила к нему так близко, что чувствовала запах его туалетной воды. Он, конечно, не знал, как я к нему отношусь. Скажи ему кто-нибудь,

что он возбуждает в своей исполнительской помощнице жаркие чувства, думаю, он просто не поверил бы.

Горчакову исполнилось тридцать лет. Метр восемьдесят два, приятное лицо со всеми атрибутами мужественности, каштановые волосы, потрясающе выразительные глаза. Короче, у него были все данные для того, чтобы покорять женщин. Но он покорила одну-единственную, свою жену. Ее именем он назвал фирму.

Я ни разу не видела Альбину Горчакову, но мне было достаточно короткого замечания Липы: она красавица, и ей всего двадцать один год. Поскольку их сыну Жене недавно исполнилось три, выходило, что брак для девушки был ранним, а любовь наверняка пылкой. Горчаков постоянно звонил ей по телефону со службы, интересовался, как дела. Заметьте – не она ему, а он ей. Вот что такое примерный семьянин! Я до слез завидовала этой женщине.

Раскрыв блокнот, я написала сверху число, потом цифру 1 и старательно вывела: «Пришел на службу в 10.00, скрылся в своем кабинете». Интересно, может ли эта информация навредить Горчакову? Через полчаса он вызвал меня к себе. Кто-то что-то напутал с последним договором. Пытаясь разобраться в бумажках, я наклонилась над сидящим в кресле шефом, начисто лишив его возможности избежать близости моего декольте.

В разгар нашего диалога в кабинет зашел заместитель Горчакова Степан Потоцкий. Этот сразу оценил мой вид, поцокал языком и, позабыв на время о делах, завел какой-то игривый разговор. Наконец Горчаков напомнил о себе сухим покашливанием, и я ретировалась. На сегодня достаточно. Я записала в свой блокнот еще пару пунктов, не забыв упомянуть визит Потоцкого и звонок шефа жене.

По мере приближения конца рабочего дня на душе у меня становилось все противнее. Одно дело – стучать на нелюбимого шефа, и совсем другое – на любимого мужчину. Листок из блокнота жег мне руки. Я сунула его в сумочку и медленно двинулась в сторону «Белорусской». Все во мне бунтовало против этой поездки. Ноги не шли, сделавшись пластилиновыми, горло пересохло, руки тряслись.

Я немного постояла перед входом в метро, потом плюнула и, достав из сумочки злосчастный листок, бросила его в урну. Отряхнув руки, словно от какой-то гадости, я отправилась гулять по дорогим магазинам. Когда фээсбэшники позвонят (а они позвонят обязательно!), я скажу, что передумала. Что просто не могу предавать своего шефа. Что для меня это настоящая пытка. Лучше уж я уволюсь.

Мысль об увольнении пугала. Уволиться – означает потерять из виду объект своего обожания. Ради чего я должна жертвовать личным счастьем?

Егор дал о себе знать в десять часов вечера. Я только вышла из душа и, включив фен, едва не прозевала телефонный звонок.

– Ну? – спросил он, не считая нужным представляться. – Почему вас не было в условленном месте?

От его голоса все мои внутренности мгновенно сжались в комок. Туда же попал и язык. Я еле-еле вытащила его из общей кучи-малы и промямлила:

– Я подумала и посчитала это непорядочным. Ну... следить за своим начальником. Который мне как отец родной...

– Послушайте, девушка, – процедил Егор. – Кажется, вы в субботу плохо меня расслышали. Я кое-что сказал про вашего мужа. Ведь он вам дорог? Хотя бы как материальный источник существования?

– Зачем вы меня пугаете? – возмутилась я. – Это некрасиво!

Егор рассмеялся в трубку, как Фантомас в одноименном фильме – с отчетливыми раздельными «ха-ха-ха».

– Я вас не пугаю, а предупреждаю, – прошипел он. – А предупреждаю я всего один раз. Понятно?

Телефон посылал короткие гудки прямо в мой мозг, лихорадочно искавший способ избежать ловушки. Они угрожают. Матвей – самая близкая мишень. Еще у меня был младший брат в Смоленске, а у него, в свою очередь, умница-жена и двое очаровательных детишек. Я поняла: если что – дело дойдет и до них. Где же выход?

Вторник прошел гораздо хуже, чем понедельник. Несмотря на то, что я снова облачилась в свое старое платье, Горчаков поглядывал на меня с подозрением и разговаривал как-то странно, будто я только что перенесла мозговую горячку. Липа оставалась невозмутимой, словно факир в окружении восторженной публики.

– Жара действует на умственные способности мужчин, – сделала она вывод после того, как Горчаков вышел в приемную, молча постоял на пороге, стушевался и снова скрылся в своем кабинете.

– Мне кажется, его потрясло то, что вчера я пришла на работу полуголой, – честно призналась я.

– Так это ж было вчера. Думаешь, он настолько впечатлительный?

Я пожалала плечами. И тут на моем столе зазвонил телефон. Это снова оказался Егор. Наверное, он решил начать психическую атаку.

– Марина Александровна? Надеюсь, вы сегодня придете?

– Нет, не приеду, – дрожащим голосом заявила я. – Я же вам все популярно изложила вчера.

– И не передумали? – с преувеличенным сожалением сказал он. – Наверное, я плохо все объяснил. Ну ничего, в следующий раз постараюсь сделать это более доходчиво.

Я положила трубку на рычаг, попав только с третьего раза. В горле у меня стоял ком, я готова была разреветься. Две слезинки повисли у меня на ресницах. В этот момент в поле моего зрения снова появился Горчаков.

– Что случилось? – тревожно спросил шеф, подходя к моему столу.

– Ничего, – пробормотала я. – Все в порядке.

– Я же вижу, что нет.

– Какой-то тип добивается от нее взаимности, – сказала со своего места Липа, нимало не смущаясь. – Наверняка чем-нибудь шантажирует. Я права, Мариша?

– А вы разве не замужем? – растерянно спросил шеф.

Липа фыркнула, собирая свой портфель, я предпочла просто кивнуть.

– И что ваш муж, он... м-м-м... никак не реагирует на ситуацию?

Липа жизнерадостно попрощалась с нами и вышла из офиса. Слезинки сорвались с ресниц и покатались по щекам, подгоняемые следующими.

– Он... Он ничего не знает, – пробормотала я, пытаюсь остановить слезы.

Почему-то мне казалось, что, проявляя ко мне повышенное внимание, Горчаков как бы играет на руку фээсбэшникам.

– Я не могу вам чем-то помочь? – неуверенно спросил шеф.

– Нет, ну что вы, Сергей Алексеевич! Мне так неловко. Я сама разберусь. Но все равно спасибо за предложение.

Воспользовавшись тем, что рабочий день уже кончился, я стремглав выскочила из офиса и, зорко оглядевшись по сторонам, ринулась в сторону метро. Остановилась у газетного лотка, чтобы отдышаться. Люди спешили по своим делам, сосредоточенные и уставшие. Но мне почему-то казалось, что среди них обязательно есть некто, интересующийся моей персоной. Едва я об этом подумала, как ко мне подскочил шуплый парнишка лет четырнадцати.

– Марина Александровна? – громко спросил он. – Меня послали передать вам это.

Он подождал, пока я разверну протянутую бумажку. На ней был отпечатан номер телефона, абсолютно мне незнакомый.

– Вас просили сегодня после десяти позвонить по этому телефону и представиться. Просто назовите свою фамилию, и все. Обещаете?

«Они с ума сошли, – подумала я. – Вербуют детей». А вслух сказала:

– Обещаю.

Пацан в ту же секунду испарился, а я спрятала бумажку в одно из отделений кошелька. Шпионские страсти, черт побери! Удастся ли мне отделаться от этих типов? Поверят ли они, что я не разболтаю Горчакову о слежке? Ведь логично предположить, что, если я отказалась следить за ним, федералы поставят на это дело кого-то другого. Того же Потоцкого, к примеру. Почему нет? А я возьму и предупрежу шефа. Может быть, поэтому они продолжают нажимать на меня?

Я старалась гнать от себя плохие мысли. Едва пришла домой, как позвонил Матвей. Он был в хорошем настроении, передал мне по проводам тысячу поцелуев и пообещал вернуться не поздно.

– У тебя там все нормально? Ничего подозрительного? – не удержалась я от вопроса.

– В каком смысле – подозрительного? – засмеялся он. – Ты что, смотрела сериал про инопланетян?

Чтобы избавиться от плохих предчувствий, я занялась уборкой квартиры. Ничего не помогало – мысль о предстоящем звонке выводила меня из равновесия. Я разбила вазу и пролила на ковер воду. Стрелки на часах еле-еле двигались. Ровно в десять вечера я сняла трубку и, развернув бумажку, полученную конспиративным способом, набрала записанный номер.

К телефону долго никто не подходил. Потом женский голос, до омерзения визгливый, выкрикнул:

– Аллю! Кто это? Кто говорит?!

Следуя указаниям, я четко выговорила:

– Это Марина Александровна Заботина.

Женщина на том конце провода ахнула и, кажется, впала в истерику.

– Это его жена! – рыдая, прокричала она кому-то и, по всей видимости, швырнула трубку на стол.

Раздался звук удара обо что-то твердое, затем какое-то шуршание, шепот, и другой женский голос, более спокойный, произнес:

– Аллю! Вы жена Матвея?

– Да, – сказала я, чувствуя, что все тело покрывается гусиной кожей.

– Как вы узнали, что он здесь?

– Как я узнала? – глупо переспросила я. Что я могла ей сказать?

– Вы уже в курсе случившегося?

– Нет, а что случилось? – Если бы мой голос сейчас слышал доктор, он прописал бы мне таблетки от ларингита. Я охрипла за одну секунду.

– Ваш муж... Как бы это сказать... Знаете, он умер.

– Умер?! Матвей? Вы шутите?! Но я уже знала, что моя собеседница не шутит. Она еще что-то говорила, но я уже не слышала. Меня охватила странная слабость, исчезли все цвета, кроме белого – перед глазами завертелись белые мушки, словно снег, подхваченный ветром, белые стены надвигались на меня со всех сторон...

Кажется, я кричала. Кажется, кто-то стучал в дверь. Я, вероятно, открыла, потому что помню лицо своей соседки – искаженное неподдельной тревогой. Потом была машина, дорога, молодые небритые санитары с опухшими глазами – то ли от недосыпа, то ли с перепоя. Меня несли на носилках по бесконечным лестницам, и я тонула и выныривала из своего белого кошмара, пока наконец не пришла в себя в больничной палате.

Рядом со мной на тумбочке лежал огромный букет роз, а на стуле сидела серьезная Липа и держала меня за руку. Летнее солнце шествовало по небу медленно и важно, милостиво бросая свои лучи в открытое окно.

– Привет, – сказала Липа обрадованно. – Очнулась? А Горчаков только что ушел.

– Он меня видел? Вот такую? – руками я обрисовала в воздухе нечто круглое.

– Конечно, видел. Не с завязанными же глазами он ходит. Ты имеешь что-то против Горчакова?

– Наоборот.

– А! – воскликнула Липа. – Я поняла. Только это как-то не ко времени.

– Это всегда не ко времени, – пробормотала я. – Я что, попала под самосвал?

– Значит, ты ничего не помнишь, – констатировала она, и я тут же сжалась под казенным одеялом.

Матвей! Они убили Матвея! Только из-за того, что я не принесла чертову бумажку к кассам Казанского вокзала. Если бы я не выбросила ее в урну, если бы...

– Я даже не знаю, что с ним случилось, – тихо сказала я вслух.

Лучшего рассказчика, чем Липа, трудно найти. Чуждая всяким сантиментам, она в скупых выражениях поведала мне драматическую историю о том, как мой муж отправился к очередной любовнице в дачный поселок Пчелкино. Та встретила его вместе с подружкой. Поплескавшись в бассейне роскошного дома, троица выбралась из воды. Девочки ушли в душ, а Матвей развалился в шезлонге. Там его и нашли через некоторое время. Как любовник, он больше не мог представлять интереса.

Патологоанатом определил, что в его крови соединились в смертельном объятии алкоголь и антидепрессант. Сердце взбунтовалось и дало сбой. Я горько усмехнулась. Кто же принимает антидепрессанты накануне встречи с милой? И пьет, как очумевший ковбой? Алкоголь в крови Матвея в три раза превышал допустимую норму. Конечно, его заставили все это выпить! Сам Шлыков вряд ли принимал участие в убийстве, да и Егор тоже. Скорее всего, исполнители – какие-нибудь андрюиды типа тех отвратительных «близнецов», которые похитили меня прямо с улицы.

Два брата и сестра Матвея обо всем позаботились. При его жизни они были холодны со мной, но теперь проявили заботу – заплатили персоналу больницы, купили самые дорогие лекарства, оставили букет цветов. А я было подумала, что розы от Горчакова.

– Завтра похороны, – сообщила Липа. – Тебя к этому времени уже выпишут, так что не беспокойся.

Я открыла рот, чтобы возразить. Нельзя хоронить Матвея, потому что это убийство! Я могу быть свидетелем...

– Кстати, – сказала Липа. – Тут тебе оставили записку. Какой-то молодой парень с серьгой в ухе.

Дрожащей рукой я взяла протянутый конверт и достала из него фотографию. Ее вытащили из рамки на моем комод. Это был снимок, изображавший моего брата и племянников. Я заплакала, уткнувшись носом в подушку.

– Говорят, поплакать обязательно надо, – поддержала мою инициативу Липа. – Спадет нервное напряжение, и ты придешь в себя. Кстати, у тебя нет какой-нибудь подружки? – спросила она.

Я покачала головой. Какие подружки? Как только у меня появлялась какая-никакая подружка, Матвей тут же перетаскивал ее в стан моих врагов самым пошлым образом. Если не считать все того же брата, я была одна. Но видеть брата в Москве в сложившихся обстоятельствах я хотела в последнюю очередь. Так что оставалось смириться с одиночеством.

На похоронах ко мне подошла сестра Матвея. Она подбадривала меня и похлопывала по предплечью, но я точно знала, что вижусь с ней, вероятно, в последний раз. Матвеева родня не из тех, кто держится за сомнительных родственников. Были бы у нас дети, тогда другое дело. А так я для них практически посторонний человек. Бездетная вдова – немногим лучше, чем любовница.

Я очень боялась, что кто-нибудь из людей Шлыкова придет на кладбище, чтобы подмигнуть мне из-за какой-нибудь одинокой березки. «Что, мол, доигралась, девочка? А мы говорили... Предупреждали... Так что сама виновата. Считай, что убила мужа собственными руками». Но никто не пришел, или я просто не заметила сквозь слезы. Народу пришло слишком много для того, чтобы фиксировать каждого скорбящего. Кроме того, горе мое было искренним и неподдельным. Увеличенная фотография Матвея в черной рамке притягивала мой взгляд.

Меня заставили бросить первую горсть земли на крышку гроба. Хотя я бы предпочла положить цветок. Потом ко мне по очереди подходили люди, чтобы выразить свои соболезнования. Я со страхом вглядывалась в каждое незнакомое лицо, опасаясь, что оно может превратиться в многозначительную гримасу. Но никто в тот день меня не побеспокоил.

Возвратившись домой, я первым делом вставила в рамку фотографию брата и племянников, отчетливо понимая, что прочно сижу на крючке. У меня не было иного выхода, кроме как начать закладывать Горчакова. Прямо с понедельника. Три оставшихся дня я собиралась предаваться скорби.

Однако вместо скорби во мне начала копиться злость. Не такой я человек, чтобы покорно склонить голову перед неприятностями! Тем более что моя злость была персонифицирована. Я знала в лицо и поименно убийц моего мужа и не собиралась нести это знание дальше, ничего не предпринимая.

«Что можно сделать?» – спрашивала я себя. Действительно, что я могла? Рассказать все Горчакову и подвергнуть таким образом опасности и его самого, и его семью? Поехать к своему брату и посоветоваться с ним? Правда, толку будет мало. Я могу попытаться найти покровителей покруче тех, что на меня наехали. Но сколько я ни размышляла, ни одного стоящего варианта в голову так и не пришло. По всему выходило, что у Шлыкова на руках одни козырные карты.

В субботу утром я обратила внимание на то, что до сих пор разгуливаю по квартире в траурном платье. Видимо, я в нем и спала, и ела. Нет, насчет еды я не права. Я ничего не ела, причем уже давно. Моя талия становилась все тоньше, но разве сейчас это имело хоть какое-то значение? Я жаждала справедливости! Чтобы ее добиться, необходимо срочно взять себя в руки.

Я вылезла из платья и приняла душ. Потом сварила курицу, выпила чашку бульона и прикончила ножку. Чтобы хоть чем-то заняться, решила вынести мусор.

На лестничной площадке между этажами стоял мужчина и курил. Я замерла на месте, с подозрением глядя на незнакомца. Тот суетливо отодвинулся от мусоропровода и, улыбнувшись, произнес:

– Я уже ухожу.

Он не был похож на фээсбэшника. Грузный брюнет с маленькой щеточкой усов держался очень обыденно, и я, успокоившись, смело спустилась вниз. Запах голубоватого дыма, плававшего в воздухе, подсказал, что парень курит «Кент» – эти сигареты нравились Матвею. Знакомый запах тут же вызвал у меня очередной приступ щемящей тоски. Я возвратилась в квартиру совершенно разбитой.

Было всего лишь десять утра, когда в дверь позвонили. Я открыла, не глядя в «глазок». Если это Шлыков или кто-то из его подручных – даже лучше. Все будет сказано и выяснено

немедленно. Но на пороге стояла парочка, которую я ожидала увидеть меньше всего, – Липа и Горчаков.

– Вот что, – не здороваясь, сказал шеф. – Нам с Липой сегодня предстоит поработать, и я подумал, почему бы вам не поехать с нами.

– Куда? – растерянно спросила я.

– Ко мне на дачу. Вы немного отвлекетесь и смените обстановку.

Липа ободряюще подмигнула. Я была по-настоящему тронута. Перспектива увидеть своего идола в нерабочей обстановке вытеснила все остальные мысли, и я побежала переодеваться. Горчаков донес мою сумку до машины, положил ее в багажник и придержал для меня дверь. Липа предпочла сесть сзади.

– Пристегнитесь, – велел шеф. – Какую музыку вы любите? У меня в бардачке есть кассеты.

Я выбрала самую романтическую группу из тех, что знала, и подала кассету Горчакову. Он сидел так близко и казался таким досягаемым, что у меня перехватило дыхание. Раньше я никогда не ездила с ним в машине. Липа задремала, свесив голову на грудь, и тихонько посапывала у меня за спиной. Ее сопение весьма органично вплеталось в музыку. В сущности, я не знала, о чем говорить с Горчаковым – он мой шеф, он женат, и до сих пор мы всегда соблюдали субординацию.

– Знаете, о чем песня? – спросил он, слегка повернув голову и глядя на меня своими потрясающими глазами.

– Должно быть, о любви, – усмехнулась я. – Судя по надрыву.

– По-английски вы, выходит, не говорите?

– А вы?

– Я нормально говорю.

Я тут же вспомнила, что им интересуется ФСБ. Может, он и в самом деле шпион?

– Вы бывали за границей? – спросила я. Горчаков с улыбкой кивнул. – А где?

– В Англии, во Франции, в Германии, в Америке, в Австралии, в Африке, в Индии.

– Ого! А что вы там делали?

– Отдыхал, навещал друзей, иногда по работе ездил.

– Ничего себе!

– А вы где успели побывать?

– Только в Испании и в Болгарии.

– Мне нравится путешествовать, – признался он. – Вот сынишка подрастет, покажу ему мир.

Мне не нужно было вздрагивать и приходить в себя. Я ни на секунду не забывала о том месте, которое занимаю в его жизни. И это место – стол в его приемной.

Еще полчаса пути, и я наконец увидела ее, женщину, которая владела мужчиной, грезившимся мне ночами. Первое впечатление было сокрушительным – красавица! Высокие скулы, ярко-синие глаза, выгодно выделяющиеся на фоне темных волос, потрясающая фигура. На ней был желтый ансамбль – шорты и топ. Малыш, побежавший навстречу отцу, растопырив ладошки, тоже одет во все желтое. Очаровательный, потрясающий мальчишка.

Нас представили друг другу. Мальчик по очереди сунул нам с Липой ручонку, испачканную в песке, и умчался с полным пакетом подарков, которые привез отец. Альбина сначала обняла Липу, потом повернулась ко мне.

– Примите мои соболезнования, – сказала она. Вероятно, муж заранее посвятил ее в подробности моей биографии. – Я рада, что вы согласились приехать. У нас все запросто. Надеюсь, вы немного отвлекетесь.

Я тоже на это надеялась. Главное, что не останусь ночью одна – здесь столько людей. Кстати, через некоторое время в окрестностях обнаружилась еще и няня – дама средних лет

с классическим пучком на затылке и ласковым лицом. Все звали ее просто Таней, так же она представилась и нам.

Из выделенной мне комнаты на втором этаже коттеджа я смотрела вниз на Горчакова, который, устроившись в плетеном кресле на веранде, диктовал что-то Липе. Та сидела за столом, уткнувшись в ноутбук.

Меня раздирали противоречивые чувства. Боль, связанная со смертью Матвея, собственная вина, любовь к Горчакову, осознание безнадежности этой любви, плюс ревность к его жене. Над всей этой гремучей смесью витала жажда мести, приправленная страхом, – я мечтала вывести людей Шлыкова на чистую воду и одновременно боялась их. Я боялась, что они причинят вред моему брату и его семье, если я буду упорствовать в своем нежелании доносить на шефа.

Я смотрела на макушку Горчакова, еле сдерживая слезы. В этот момент я отчетливо осознала, что люблю его. И что в понедельник мне придется запротоколировать все его телефонные звонки и визиты и передать эти сведения убийцам собственного мужа.

Обедали на веранде. Я чувствовала себя диверсанткой, и поэтому ароматный суп, поданный в глубоких пиалах, мой организм принимать отказывался.

– Вам надо поесть, – серьезно сказал Горчаков, с тревогой глядя на меня. – У вас под глазами синяки. И вы очень сильно похудели за последнее время.

– Может быть, вам хочется чего-то другого? – заботливо спросила Альбина. – Что вы больше всего любите?

«Вашего мужа», – хотелось ответить мне, но вместо этого я пробормотала:

– Спасибо, суп очень вкусный. Я с удовольствием поем.

Люди Шлыкова обязательно спросят, чем занимался Горчаков в выходные. Поэтому после обеда я осталась на веранде, чтобы подслушать. Шеф просчитывал рентабельность нового оборудования, которое собиралась закупать его фирма. И еще прикидывал возможности расширения. Время от времени он поглядывал на меня, словно проверяя, в каком я состоянии. Видимо, мой вид его не радовал, потому что он то и дело хмурился. Иногда даже замолкал на полуслове. В конце концов Липа не выдержала и с присущей ей прямоотой заявила:

– Сергей Алексеевич, если вы хотите все закончить сегодня, Маришу нужно прогнать. Она вас отвлекает.

Я бросила на нее испепеляющий взгляд, но она только пожала плечами:

– Ну, правда. Ты сидишь, как русалка, от тебя глаз не оторвать.

Горчаков усмехнулся:

– Липа, ваша прямолинейность иногда просто шокирует.

– Кого это? – тупо спросила та.

– Допустим, меня. – Шеф улыбнулся, что слегка сгладило пикантность ситуации.

– Шокировать может только правда, – не сдавалась глупая Липа.

– Я с вами полностью согласен. Все сказанное вами правда. Марина меня действительно отвлекает. Она прекрасна, словно русалка, я не могу отвести от нее глаз и сбиваюсь с мысли.

Я мгновенно поднялась, чтобы ретироваться, но Горчаков внезапно поймал меня за запястье и, поглядев в глаза, произнес:

– Оставайтесь, не уходите.

Липа демонстративно вздохнула. А я, если честно, просто не знала, как реагировать.

– Спасибо, вы очень чуткий человек, – наконец нашлась я, проследив глазами за Альбиной, которая шла по садовой дорожке. – Но лучше я пойду отдохну.

Горчаков тоже встал и, засунув руки в карманы, болезненно поморщился:

– Не знаю, как вам помочь. Мне не хочется, чтобы вы уединялись и страдали в одиночестве.

Но я все-таки уединилась. Сердце мое обливалось кровью. Если он будет и дальше проявлять свое расположение и хватать меня за руки, я прореву всю оставшуюся жизнь.

Альбина не набивалась мне в утешители, честно выполняя роль радушной хозяйки. Оказалось, с ней легко общаться. Она была весьма неглупой, с хорошим чувством юмора и спокойным характером. Короче, у нее было все, что могло заинтересовать такого мужчину, как Горчаков.

Перед сном в мою комнату заглянула Липа и, немного помявшись, что было ей совсем несвойственно, спросила:

– Может, тебе не с кем поговорить? Я всегда могу выслушать и не разболтаю, честное слово. Вообще-то я несдержанная, но если надо, из меня слова не вытянешь.

– Спасибо, Липа, – растроганно сказала я. – Но мне нужно самой пережить этот тяжелый момент. Все пройдет.

– Ладно, тогда спокойной ночи.

Я выключила свет и легла. В распахнутом настежь окне, словно живая, шевелилась занавеска. Иногда она взлетала вверх, и тогда взгляду открывался чернильный кусочек неба без звезд. Изредка выныривала из этих чернил тусклая луна, оставляя на постели ртутные лужи. Я долго лежала без сна, потом снова растравила себя тоскливыми мыслями, тут-то меня и развезло. Я принялась рыдать со всей страстью одинокой и безнадежно влюбленной женщины. Чтобы никого не потревожить, я засунула голову под подушку, поэтому не услышала, как открылась дверь и в комнату вошел Горчаков. На нем были спортивные брюки и тенниска, волосы встрепаны со сна. Правда, все это я рассмотрела позже.

Когда он положил руку мне на плечо, я окаменела от испуга и засопела под подушкой, внезапно почувствовав, как мало здесь воздуха.

– Только не визжите, – попросил Горчаков, наклонившись к моему уху. – Испугаете ребенка. Он спит внизу, комната прямо под вами. Это всего лишь я.

Всего лишь! Если бы он знал! Я перевернулась на спину, отодвинув подушку в сторону, и столкнулась с предметом своего обожания буквально нос к носу. Он сидел на краю кровати, низко склонившись надо мной. От него приятно пахло чем-то горьковато-терпким, и в неярком свете луны его глаза казались непроницаемыми.

Я в последний раз всхлипнула и хотела было извиниться, но тут случилось невероятное. Горчаков наклонился еще ниже и вдруг прижался губами к моим губам. Я испуганно замерла, ощутив невероятную истому. Наверное, то же самое чувствует пломбир, когда его поливают горячим сиропом. Я была пломбиром. В нем нет ни косточек, ни иных твердых составляющих. Он может только таять, принося блаженство тем, кто его любит.

Через мгновение Горчаков отстранился, стремительно поднялся и вышел безмолвно, словно привидение, случайно забредшее в жилую часть дома. «Черт, что это было?» – подумала я, ущипнув себя за руку. Слезы мгновенно высохли. Я уставилась в потолок и замерла, сложив руки на животе. Голова моя превратилась в тоннель, сквозь который, как скорые поезда, проносились мысли. Ни одна не задерживалась ни на секунду. «Завтра надо сделать вид, что ничего не случилось», – сказала я себе. Интересно, а как будет вести себя Горчаков?

Утром он тоже старательно делал вид, что ничего не случилось. Мы встретились за общим столом во время завтрака. Альбина хлопотала с чашками и тарелками, стараясь, чтобы гостям было легко и удобно. Горчаков пожелал всем доброго утра, улыбнувшись Липе и мне одновременно. Пока мы пили кофе, он бросил на меня лишь один рассеянный взгляд. Я решила, что он лунатик и приходил ко мне в комнату в состоянии транса.

После завтрака Горчаков водил своего сынишку на речку, потом передал его няне, а сам снова уселся на веранде, призвав к себе на помощь верную Липу. Альбина предложила мне найти книгу по душе и поваляться в шезлонге. Я выбрала сказки Шварца, устроилась в теньке и не заметила, как задремала. Короче, день прошел обыкновенно, я пребывала в прострации, а потом полночи лежала без сна. А вдруг сегодня снова выглянет луна, и лунатик Горчаков нагрянет с поцелуями? Но он, конечно, не пришел. Что ж, хорошенького понемножку.

Утром мы втроем загрузились в машину, тепло распрощались с ослепительной хозяйкой, потискали малыша и отправились в город. У всех, кроме меня, было бодрое настроение. Впрочем, я изо всех сил делала вид, что мне гораздо лучше и выходные на природе не прошли даром. Я вежливо поблагодарила шефа за заботу и чмокнула Липу в щеку – она была ко мне очень внимательна.

Телефон в офисе притягивал меня, словно прожектор мотылька. Я смотрела на него, не отрываясь, как на некое опасное существо, которое в любой момент может ожить и начать кусаться. Мои опасения оправдались: Егор позвонил после обеда.

– Марина Александровна? – спросил он весьма любезным голосом. – Надеюсь, наши разногласия в прошлом? На этот раз я хорошо вам все объяснил?

– Да, – сдавленным голосом ответила я. – Хорошо.

– Надеюсь, вам будет легче согласиться на встречу?

– Я приеду, как договорились.

Осторожно положив трубку на рычаг, я откинулась назад и закрыла глаза.

– У тебя снова какие-то неприятности? – спросила Липа.

– Да нет, просто дела. Не обращай внимания.

В метро было душно, как в сауне. Кроме меня, тут же парились десятки несчастных, и дорога показалась бесконечной. Преодолев длинный коридор, который вел к пригородным кассам Казанского вокзала, я наконец попала в нужный зал. Заранее заготовленный листочек с доносом лежал в моей сумочке. Я написала там про все. Не упомянула только ребенка и няню. Справа работало несколько касс, слева окошки были закрыты. Я встала возле одного из них и принялась усердно рыться в сумочке. Сложенный листок бумаги поместила на полке возле окошка. Почти сразу рядом появился молодой парнишка в яркой рубашке и круглых очках. Он положил на мое послание газету, покопался в карманах, снова взял ее, прихватив заодно и то, что было под ней.

По плану мне следовало уйти. И что меня дернуло остаться? Просто я заметила, что курьер не торопится покинуть место нашей встречи, остановившись возле лотка с прессой. Интересно, ему что, не надо спешить передавать донесение вышестоящему начальству? Парень явно никуда не торопился. Я спряталась за углом киоска с видеокассетами и принялась изучать коробки, выставленные в витрине. Впрочем, я только делала вид, что читаю названия, на самом деле не выпускала из поля зрения знакомую пеструю рубашку.

Парень посмотрел на часы. Раз, потом другой. Неужели мое донесение должны забрать у него прямо здесь? Зачем он вообще тогда нужен? Просто лишнее передаточное звено. Может, кое-кто не хочет, чтобы я видела его лицо? Мне страстно захотелось выяснить, с кем собирается встретиться курьер. Но, если я высунусь, он меня тотчас засечет. Платье у меня неприметное, а вот что делать с волосами и физиономией? Оглядевшись по сторонам, я нырнула в ближайший застекленный магазинчик, где торговали всякой всячиной – начиная от детских игрушек и заканчивая дорожными принадлежностями, купила дешевые солнечные очки и белую шляпку с бантом на боку и, надев все это на себя, стремглав вылетела наружу.

Парень был все еще тут. Прошло ровно двадцать пять минут с момента нашего контакта. Он продолжал ошиваться возле прилавка с прессой, то и дело поглядывая в сторону, но теперь снова повернулся к пригородным кассам. Как это ни парадоксально, но я сразу же поняла, кого он высматривал. Это была женщина лет тридцати в красном платье с золотыми пуговками. Пристроившись неподалеку от того места, где недавно стояла я, она достала из сумочки простой белый конверт и положила рядом с локтем. Парень в пестрой рубашке тут же снялся с якоря. Минута – и конверт переключился к нему. На сей раз он не стал медлить, а сразу прошел через турникеты к перрону. Я даже не пыталась преследовать его. Гораздо больше меня заинтересовала женщина, находившаяся, по всей видимости, в таком же положении, что и я. По крайней мере, выражение лица у нее было не слишком счастливое.

Следить за ней, несмотря на красное платье, оказалось нелегко. Двигалась она стремительно – мне пришлось бежать по эскалатору, и все равно я еле-еле успела сесть с ней в один вагон поезда. Здесь мне удалось разглядеть ее досконально. Короткие вьющиеся волосы, сочные губы, лицо сердечком – очень симпатичная особа. Вот только выглядела она удрученной.

На станции «Красные Ворота» незнакомка вышла, поднялась по эскалатору и пешком пошла по Новой Басманной улице. Скрылась она за дверью фирмы, которая называлась «Креотон». Может быть, это был склад или офис какого-нибудь турагентства. Но уж точно не магазин. Я не рискнула войти следом. Напротив двери, прижавшись к тротуару, стояло несколько машин, и я подумала, что на одной из них незнакомка может уехать. Так и вышло. Она вновь появилась на улице спустя буквально пять минут и двинулась напрямик к светлой «семерке». Я отчаянно замахала руками навстречу движущемуся транспорту. На мое счастье, желающий подвезти пассажира нашелся сразу.

– Будем следить вот за этими «Жигулями», – сказала я водителю. – Представляете, лучшая подруга тайком встречается с моим женихом! Хочу их застукать на месте преступления.

– Надеюсь, я не буду в этом участвовать? – с опаской спросил парень.

Его интересовала только возможность подзаработать, а я обещала быть щедрой. Мы благополучно «вели» блондинку до самого дома. По иронии судьбы, жила она неподалеку от меня: на троллейбусе всего пара остановок. Пока она загоняла машину на стоянку перед девятиэтажным домом, я расплатилась с шофером и призадумалась. Ну узнаю я ее адрес. И что дальше? Может, лучше поговорить с ней прямо сейчас, пока она не скрылась в подъезде. Если я действительно хочу с ней поговорить.

Я не просто хотела. Меня прямо-таки распирало желание пообщаться с блондинкой, и я рискнула. Чтобы сразу расставить все точки над «и», подошла сзади и безо всякого предисловия брякнула:

– Вам привет от Шлыкова.

Вместо того чтобы заинтересоваться, блондинка сузила глаза и злобно прошипела:

– Что-о?! Меня теперь и дома будут доставать? Пошла вон!

Она изо всех сил толкнула меня плечом и стремительно направилась к подъезду.

– Эй, погодите! – растерялась я, бросившись за ней. – Я не то хотела сказать!

Я схватила ее за рукав платья, блондинке это не понравилось, и она стукнула меня по руке сумочкой.

Возле подъезда на лавочке сидели два подвыпивших мужика и с любопытством глазели на нас.

– Ставлю вон на ту, в красном, – азартно сказал один.

– Почему на ту? – вяло поинтересовался его приятель.

– У нее ноги мускулистые. Если будет драка, она победит.

Блондинка в самом деле была готова сражаться до победного, однако я обезоружила ее торопливым признанием:

– Я тоже была сегодня на Казанском вокзале со своим донесением. Меня заставляют стучать на собственного шефа. Парень, который забрал мой донос, не ушел, а стал кого-то караулить. Я немного подождала и увидела вас...

Спустя некоторое время мы уже сидели на кухне чистенькой двухкомнатной квартирki и, наклонившись друг к другу через стол, обменивались информацией. Женщину звали Вера Деянина. С ней случилось почти то же, что со мной. Вера работала товароведом в фирме «Креотон», которая, как выяснилось, занималась поставками и продажей в России дешевой индонезийской одежды. Месяц назад ее прямо на улице подхватили незнакомые люди и увезли за город. Вера не знала, где конкретно проходил первый разговор, но на нем тоже присутствовали Шлыков и его подручный по имени Егор. ФСБ интересовалась главой «Креотона» Рома-

ном Борисовичем Игнатовым, пятидесятилетним бизнесменом, в прошлом – директором университета.

– У Ромы есть своя служба безопасности, – рассказывала Вера. – И мне не нужно быть очень ловкой, чтобы водить ее сотрудников за нос. Рома мне доверяет, как себе. Мы работаем вместе уже больше семи лет.

– Они убили моего мужа, – сказала я.

– Думаю, что моего тоже, – приятный грудной голос Веры дрогнул. Прокашлявшись, она пояснила: – Он пропал без вести две недели назад. Я взбрыкнула, и вот результат.

– Ты что-нибудь предпринимала? – спросила я.

Это было важно. У нее стаж работы на ФСБ был гораздо больше моего. Целый месяц кошмара. Подумать только!

– Ну... Я ходила в милицию в связи с исчезновением Глеба. Написала заявление. Обещали помочь, но пока все затихло.

– А ты любишь своего мужа? – Я знала, что Вера не посчитает мой вопрос бестактным. Нас объединяла общая беда, и степень доверия, возникшая с первой минуты знакомства, была предельной.

– Я очень его люблю. Впрочем, в последнее время он мог в этом усомниться. Я была в таком состоянии... Часто срывалась. Как будто он виноват.

– И ты не открылась ему?

– Я боялась подставить Глеба под удар. Он мог совершить какой-нибудь опрометчивый поступок. Мужчины привыкли защищать своих женщин, не думая о себе. Но все оказалось напрасно. Все равно я его потеряла...

Была уже глубокая ночь, а мы все говорили.

– Послушай, может быть, нам все-таки что-то предпринять? – спросила я.

– Сорваться с крючка? Вряд ли. Это же не просто какой-то там Шлыков. Это целая организация. С хорошо известной репутацией.

– Все равно. Я расцениваю наше с тобой знакомство как шаг к освобождению.

– Я тоже рада, что мы встретились, – искренне сказала Вера. – Кто знает, может, вместе нам действительно удастся придумать выход из этой ситуации?

Мы обменялись телефонами. Вера порывалась подвезти меня до дома, но я наотрез отказалась. Вдруг за нами следят? К тому же мне хотелось немного пройтись, чтобы успокоиться. Я чувствовала себя узником, который после долгих лет одиночества услышал стук в стену. Пусть это был такой же несчастный человек, как и я.

Мысль о том, что предстоит провести ночь в пустой квартире, пугала меня, но выхода не было. Я дождалась позднего троллейбуса, который, щелкая усами, подкатил к остановке, предоставив в мое полное распоряжение пустой салон. Я пробила билетик, и шофер, глядевший в зеркальце, улыбнулся, вероятно, дивясь моей честности.

Конечно, я боялась идти дворами, искала глазами знакомых собачников, но вокруг было пустынно. Где-то орала и хохотала невидимые глазу подростки. Не наткнуться бы на них, чего доброго. Я быстро шагала, стараясь держаться поближе к освещенным окнам. Мой дом был уже совсем близко, когда позади внезапно мелькнула тень. Она двигалась слишком быстро. Если это человек, то он только что перебежал с одного места на другое.

Я находилась в двух шагах от собственного подъезда, поэтому не сразу запаниковала. Возле двери не удержалась и затравленно оглянулась. Следом за мной, буквально в пяти метрах, шел мужчина. В руках у него ничего не было, и смотрел он прямо на меня. Когда я оглянулась, он остановился. У него было длинное белое лицо и тревожные глаза. Дверь в подъезд запиралась на кодовый замок. Я поняла, что, если даже успею открыть ее, этот тип догонит меня и войдет следом.

В голове моей сразу же всплыло предупреждение соседки Симочки Кругловой о том, что в нашем округе появился очередной сексуальный маньяк. Глубокой ночью он нападал на одиноких женщин, мучил их и убивал. Бедняжек потом находили в подъездах под лестницами, в лифтах и в зарослях кустарника.

Я в панике вскинула глаза вверх, к Симочкиным окнам на втором этаже. У нее горел свет, и окно на кухне было открыто настежь. Может, она встала покурить? Или вообще еще не легла?

– Сима! – истошным голосом завопила я. – Сима, выгляни!

К моему громадному облегчению, соседка тут же появилась в освещенном проеме, откинула занавеску и свесилась через подоконник.

– Эй! Привет, Мариша! Ты чего кричишь?

Я обернулась назад. Напугавший меня тип со скоростью курьерского поезда несся в сторону шоссе.

– Господи, как я рада, что ты не спишь! – я с трудом перевела дыхание.

– Зуб болит, – объяснила она. – Может, поднимешься?

Я поднялась.

– Слушай, этот мужик меня так напугал! – Я трясущимися руками положила свою сумочку под зеркало, захлеб рассказывая Симе о беломордом типе.

– Не хочешь в милицию позвонить?

– Ну, во-первых, я его не особенно-то и разглядела. Да, может, он и не маньяк вовсе, – пробормотала я, засомневавшись.

За мной было кому следить и помимо маньяков. Кроме того, если я сейчас сунусь в милицию, не посчитают ли мои мучители, что я решила их заложить? Чего доброго причинят зло моему брату или племянникам. Нет уж, маньяк не маньяк, а милицию придется отставить.

Я просидела у Симочки почти до рассвета, потом пошла к себе, завела будильник, кое-как избавилась от одежды, упала на кровать и заснула мертвым сном. На работу пришла невыспавшаяся, с отеками глазами. Горчаков, мгновенно оценив мой затрапезный вид, предложил:

– Посидите какое-то время дома, Марина. Обещаю, что на вашем заработке это не отразится.

– Спасибо, – пробормотала я. – Но если я не слишком вас раздражаю своим видом, я бы предпочла ходить на службу. А то совсем закисну дома одна.

Горчаков сказал:

– Смотрите, как вам лучше. И не смейте говорить о раздражении. Видеть вас мне всегда приятно.

Он говорил замечательные слова, но тон его при этом был подчеркнута деловым. Интересно, помнит ли он вообще, как целовал меня ночью? Я принялась за очередной донос, который дополняла весь оставшийся день. Мудрая Липа общалась со мной как ни в чем не бывало – это здорово ставило на место мозги. А когда тебя жалеют и сюсюкают, как с больной, делается совсем худо.

Егор позвонил ближе к вечеру.

– Хвалю, – начал он после скупого приветствия. – Отличная работа. Кстати, сколько вы намерены пребывать в трауре?

– Вы! Да вы... – задыхнулась я.

– Я встречу вас сегодня после работы. Есть разговор. Так что не шарахайтесь в сторону и вообще не делайте резких движений.

Он положил трубку, я же сморгнула злые слезы и отодвинула от себя телефон.

– Снова этот тип? – сочувственно спросила Липа.

– Какой тип?

– Который чего-то хочет от тебя.

– Да ладно, сама разберусь. – Я решила не спорить.

– Вот смотрю я на вас, женщин, – укоризненно сказала Липа, будто сама была существом противоположного пола, – и не пойму: как вы умудряетесь целиком попасть под мужское влияние? И эти огрызки природы крутят вами, как хотят! Мне, например, ни один красавчик не может испортить настроения.

– Ты просто еще ни разу не влюблялась, – предположила я.

– Любовь! – фыркнула Липа. – Любовь – это микроб, который поражает мозги того, кто скучно живет. Если у тебя полнокровные будни и веселые праздники, зараза тебя минует. Так ты не хочешь рассказать, что за придурок пугает тебя по телефону?

– Это дело старое, – вздохнула я. – Будь моя воля, голубчик летел бы ясным соколом знаешь куда? Но одной моей воли мало. Так что совладать с ситуацией я не могу.

– Чтобы справиться с неуютным мужиком, нужен другой мужик, – философски заявила Липа. – Просто надо научиться его использовать. Есть какой-нибудь воздыхатель, у которого при виде тебя шарики в голове перемешиваются, словно сухой горох в банке?

– Увы, такого нет.

– Жалко. Но я подумаю, что еще можно предпринять.

Я поблагодарила Липу и начала собирать сумку. Сегодня мне не нужно никуда ехать, время «Ч» наступало только завтра. Однако Егор должен встретить меня где-нибудь по дороге к метро, а это отнюдь не радовало. Воодушевленные «естественной» смертью Матвея, они, по-видимому, усилят прессинг. Господи, но что еще я могу для них сделать? Организовать поджог? Взорвать фирму?

Прямо у офиса припарковалась симпатичная «Ауди», а рядом с ней, облокотившись о капот, стоял юноша с серьгой в ухе. Заинтересованные девушки оборачивались на него. Меня же при виде его физиономии затошнило.

– Прокатимся? – спросил Егор, крутя на пальце ключи.

– Сцена, как в дешевом кино, – фыркнула я, даже не пытаясь скрыть своего отвращения. – Говорите, что надо, и я пойду. Не стану я с вами кататься.

– Отлично. Мне тоже не слишком нравится здесь отсвечивать.

– Вы убили моего мужа! – не выдержала я.

– Убили? Да вы в своем уме? Мы никого не убиваем. Напротив, мы стоим на страже порядка и законности. Это вас просто бог наказал, Марина Александровна. За несговорчивость.

Я сложила руки на груди и приняла позу, на мой взгляд, полную презрения к собеседнику.

– Ой, только не стройте из себя светскую львицу, – насмешливо сказал Егор, поправляя упавшую на лоб челку. – Львицы из вас не получится. Вы всего лишь шавка.

– Шавка тоже может быть опасна.

– Ничего, я сделаю вам прививку от бешенства.

Кажется, ему нравилось меня злить. Я решила сдерживать эмоции, чтобы не доставлять ему удовольствия. Егор тем временем покосился на окна нашего офиса и усмехнулся:

– А вы его уже зацепили, не так ли?

У окна стоял Горчаков и, не таясь, смотрел на нас, засунув руки в карманы.

– Ерунда, он любит свою жену, – занервничала я.

– Само собой. Но вы ему тоже нравитесь. Вот что, Марина Александровна. Ваши отчеты должны касаться не только служебной деятельности шефа. Нас интересуют его жена, сын, их распорядок дня и любимые места отдыха. Все, что сможете разузнать.

– Как я это разузнаю?

– Станьте ему ближе. Мы ведь уже обсуждали этот вопрос. Я просто пришел напомнить.

Кажется, сегодняшнее явление Егора было типичной акцией устрашения. Он уверен, что сам его вид нагоняет на меня ужас. В сущности, он был недалек от истины.

– А мне не полагается никакого вознаграждения? – надменно спросила я, чтобы смутить его.

– Жизнь сама по себе награда. – Егор широко улыбнулся.

Еще некоторое время мы обменивались обидными репликами и незаметно так сблизилась, что выплевывали слова уже прямо друг другу в лицо. Я стояла руки в боки, Егор сжал кулаки. Со стороны казалось, что мы вот-вот сцепимся и визжащим клубком покатаемся по мостовой.

Горчаков все это время стоял у окна. Мы не порадовали его дракой и спустя пять минут расстались, обменявшись полными ненависти взглядами. Я отправилась домой.

У моего подъезда стояла машина Веры, сама она прогуливалась неподалеку. Мы бросились друг к другу, как сестры, потерявшиеся во время какого-нибудь катаклизма. Я рассказала ей про Егора. Вера сочувственно сжала мою руку.

– Я всю ночь не спала, – призналась она. – Все думала, что мы можем сделать.

– Появились дельные мысли? – воодушевилась я.

– Знаешь, что самое ценное в жизни?

– Что?

– Информация. Дороже ее только собственная шкура. Нас с тобой заставляют добывать информацию, потому что это настоящее золото. С ее помощью можно все: шантажировать, манипулировать людьми, пугать их...

– Ну?

– Мы с тобой должны раздобыть кое-какие сведения для себя.

Я тут же поняла, что в ее рассуждениях есть рациональное зерно.

– Понимаешь, – продолжала тем временем Вера. – Их позиция ясна и понятна. Они уверены, что мы запуганы, как кролики. Вот пусть и пребывают в этом заблуждении. Да, они винтики в *системе*, но, помимо этого, они ведь еще и просто люди. Где-то живут, на ком-то женаты, что-то любят, чем-то увлекаются. Они такие же, как мы.

– Предлагаешь собрать на них досье и чем-нибудь пошантажировать?

– Почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет? Узнать какую-нибудь пошлую тайну Егора и поиграть на его нервах – о, это было бы чудесно! Я ненавидела этого типа. Или подловить на чем-нибудь Шлыкова и обменять пару страниц компромата на свою свободу! Вдруг он злоупотребляет служебным положением? Или связан с мафией?

– Мы не будем бороться с ФСБ, – пообещала Вера. – Мы возьмем за шкирку конкретных мужиков.

Во мне зашевелился было червячок сомнения, но он тут же издох под пламенным взглядом подруги по несчастью.

– Перво-наперво, – сказала она, – мы должны выследить курьера, который уносит наши отчеты с вокзала. Куда он их деваает?

– Послушай, а ты уверена, что нас с тобой только двое? – поделилась я с ней пришедшей мне в голову мыслью. – Может, у них целая сеть осведомителей? Мы встречаемся с курьером на Казанском по понедельникам, средам и пятницам с интервалом в полчаса. Так?

– Так.

– А что, если во вторник и четверг там бывают другие жертвы?

– Их обязательно надо разыскать!

– Первая заповедь революционера-подпольщика: «Объединяйтесь!» В единстве – сила. Не помню, кто сказал.

– Ты права, абсолютно права. Чем больше людей, тем больше свобода маневра. Чем больше глаз для слежки за этими типами, тем лучше. Мы им еще покажем!

В четверг мы с Верой, тщательно замаскировавшись, отправились на Казанский вокзал. Но вояж оказался напрасным. Никто не оставлял и не забирал никаких посланий, хотя мы следили за каждым замешкавшимся у касс, словно коршуны за добычей.

– Надо же, какой облом! – расстроилась я.

– Значит, сделаем так, – сказала Вера, не потеряв присутствия духа. – Завтра выследим курьера. Кому-то же он тащит наши донесения?

– Наверное, Шлыкову.

– Вот и отлично.

– Но ведь не домой же Шлыкову. Скорее на службу.

– Все равно, надо узнать доподлинно. Проследить всю цепочку. Может быть, срисуем еще каких-нибудь людей. Каждая крупинка знаний – это шаг к нашей свободе, не забыла?

Я не забыла.

Назавтра мне предстояло строчить очередной донос на Горчакова. Только я принялась за дело, как он вышел в приемную, чтобы дать указания Липе, и сел в кресло напротив. «Интересно, – внезапно подумала я, – когда сообщу про него все, что им нужно, меня случайно не прикончат?» А что? Объяснить, к примеру, мое самоубийство очень просто: не смогла справиться с горем – со смертью молодого, красивого, талантливого мужа. А уж инсценировать суицид таким спецам – простая забава. Нет-нет, Вера права – надо срочно действовать. Мы должны иметь хоть какую-то защиту.

Липа взяла термос и отправилась через дорогу за свежим кофе. Горчаков перевел на меня задумчивый взгляд:

– Мне кажется, Марина, у вас что-то происходит.

– У меня муж умер, – напомнила я.

– А ваши неприятности никак не связаны с тем мальчишкой, с которым вы вчера ссорились возле офиса?

Я метнула на него испуганный взгляд. Неужели он о чем-то догадывается? Связать смерть моего мужа с появлением Егора – для этого надо обладать или потрясающей интуицией, или... Ведь Горчаковым интересуется ФСБ. Может, он гораздо умнее и осведомленнее, чем я думаю? Впрочем, чувство к нему мешало мне не только трезво мыслить, но и вообще владеть собой. Он смотрел мне прямо в глаза, и я теряла чувство реальности.

Уронив ручку, я полезла за ней под стол. Горчаков опустил на корточки, наши руки встретились, и он задержал мою ладонь в своей.

– Кажется, нам есть о чем поговорить, – сказал он.

– Под столом?

– Не имеет значения... Надо обсудить проблему.

Губы, которые заставляли трепетать мое сердце, медленно приблизились.

– Я не знала, что между нами возникли какие-то проблемы, – глухо проговорила я.

– Но они тем не менее возникли.

Так и есть. Он обратил на меня внимание, когда я полуголой явилась на работу. Неужели ключик от сердца любого мужчины лежит за корсажем женщины? Даже такого потрясающего, как Горчаков?

– Предлагаю решить проблемы совместными усилиями, – не сдавался он.

А вдруг он меня сейчас снова поцелует?

В этот момент в комнату вошла Липа в обнимку с термосом. Увидев нас под столом, она невозмутимо спросила:

– Сергей Алексеевич, пять минут назад вы должны были позвонить Потоцкому. Будете вылезать или спустить вам телефон туда?

– Подождите, Липа, не видите – у нас производственное совещание?

Парализованная его близостью, я не шевелилась.

– Или вы меня боитесь, – тихо сказал Горчаков, не поднимаясь, – или влюблены без памяти.

В этот момент я поняла, что не смогу причинить ему никакого вреда, даже если он и в самом деле американский шпион и в часы досуга проникает в секретные лаборатории. «Доносы, которые я пишу для ФСБ, можно фальсифицировать, – неожиданно подумала я. – Так и сделаю. Пусть Шлыков разорвет меня на части».

Липа настаивала на том, чтобы мы немедленно прервали производственное совещание. Горчаков успел подняться на ноги, когда дверь распахнулась и на пороге появился Потоцкий. Увидев меня на четвереньках под столом, он удивленно спросил:

– У вас что, занятия по гражданской обороне?

– Нет, это так, причуды Марины Александровны, – успокоил его Горчаков. – У красивых женщин полно причуд.

– Это у дур полно причуд, – вставила свое замечание Липа. – А уж красивая попалась дура или нет – дело случая.

Шеф со своим замом удалились в кабинет, а я принялась названивать Вере. У нас с ней на сегодня была назначена первая боевая вылазка. План действий составили такой: сначала сдаем свои донесения, после чего вдвоем садимся на хвост курьеру. Вера собиралась явиться на машине, хотя прежде предпочитала метро: парковка возле вокзала – занятие утомительное.

– В прошлый раз я видела, как парень поднялся к перронам, – вспомнила я. – Может быть, он ездит куда-нибудь за город? На дачу к Шлыкову, например.

Но на этот раз все было по-другому. Парень на метро добрался до «Чистых Прудов» и прогуливающейся походкой двинулся вдоль по улице в сторону «Современника». Сопроводить его было одно удовольствие. Похоже, этому типу и в голову не приходило, что за ним следят.

– Странные какие-то разведчики, – сказала я Вере. – Простые, как стулья.

– Они думают, что это мы простые. И глупые. Поэтому так беспечны.

Курьер демонстрировал беспечность еще примерно минут двадцать. Один раз он застрял под деревом, чтобы выкурить сигаретку, и нам пришлось срочно придумывать предлог для того, чтобы остановиться неподалеку. Вера стала пудрить щеки, а я несколько раз расстегнула и застегнула замочек на босоножке. В конце концов мы втроем вошли во двор жилого дома.

– Старый дом на Чистых Прудах – это круто, – присвистнула Вера. – Интересно, чье же гнездышко мы отыскали?

– Может, это конспиративная квартира? – предположила я. – Явка?

– А что, удобный район, Лубянка поблизости, – согласилась Вера.

Проследив, в какую из квартир вошел курьер, и дождавшись, когда он выйдет из подъезда и скроется с глаз, мы начали следственную работу. Старухи, дворничихи, местные алкаши, мальчишки, играющие в мяч, – все были в нее вовлечены, хотя, конечно, никто из них о своей роли не догадывался.

– Все, хватит отсвечивать, – сказала я Вере, поглядев на часы. – Если нас засекут, все наши труды пойдут насмарку.

Взявшись под ручку, мы выскочили на бульвар, где принялись ловить машину.

– Куда, девочки? – спросил веселый водила, в салоне которого играла блатная музыка.

– На Казанский вокзал.

– Не местные, значит? – подмигнул он, когда мы устроились на заднем сиденье.

– Почти что, – сказала Вера, после чего обратилась ко мне: – Заберем мою тачку, потом засядем у тебя на кухне и подведем итоги. Думаю, мы не зря проследили за курьером.

– Еще бы! – поддакнула я. – Умные женщины могут обмануть даже фээсбэшников. Они ведь нас не засекли?

– Если доберемся до дома живыми, значит, не засекли.

Шофер с тревогой поглядел на нас в зеркало заднего вида, но мы не обращали на него внимания и продолжали обсуждение своих проблем. К концу пути бедный мужик не знал, куда деваться. Когда мы расплатились, его выдавшее виды авто рвануло с места, словно ракета с космодрома.

– Умчался со свистом, – заметила я. – Может, зря мы его напугали?

– Да ну, – отмахнулась Вера.

Моя квартира стала штабом, где мы разрабатывали стратегию и тактику борьбы.

– Сегодня позвонил партнер Глеба, моего мужа, – поделилась переживаниями Вера. – Просил меня написать какую-то доверенность. Я разрыдалась. Мне кажется, впервые с тех пор, как Глеб исчез, я поплакала от души.

– Я просто мечтаю отомстить этим монстрам, – сквозь зубы сказала я.

Квартира на Чистых Прудах принадлежала Егору. Нам удалось узнать его фамилию – Мазуренко – и официальное место работы. Этот юнец числился директором мебельного салона «Мягкий мир», располагавшегося неподалеку от его места проживания. Если верить сплетням соседей, мебель там была эксклюзивная, то есть дорогущая, и продавалась из рук вон плохо. «Деньги отмывают», – заявили ушлые старухи.

Мы с Верой придерживались другого мнения. Мебельный салон – это просто прикрытие. «Легенда» для Егора Мазуренко. А может, и не для него одного.

– Наверное, мы обнаружили одну из их гражданских баз, – предположила Вера.

– Все как-то слишком уж открыто, – засомневалась я.

– А кого им бояться? Нас с тобой?

Она была права. Фирму, с которой мы связались, вряд ли мог озаботить интерес двух запуганных вдов. И все же после нашей эскапады я испытывала определенный подъем.

– Этим Егором займусь я, – сказала Вера. – Ты его чем-то разозлила, так что не стоит будить лихо. Если он вдруг почувствует, что ты рядом, начнет нервничать. Эти парни умны и непоколебимы, как крысы.

Грядущие выходные Вера планировала посвятить подробному знакомству с личной жизнью Егора Мазуренко.

– Посмотрю, чем он занят по субботам и воскресеньям. – Она довольно потерла руки и сощурилась, словно «медвежатник», удачно взломавший сейф. – А чем ты собираешься заниматься в выходные?

Я понятия не имела. Когда Вера уехала, я тут же включила телевизор, чтобы не прислушиваться к шорохам и скрипам, наполняющим квартиру по вечерам. Усмехнулась, вспомнив слова Липы о том, что, если я боюсь жить одна, мне срочно надо завести себе мужчину или собаку. Кажется, она не видела особой разницы между двумя этими вариантами.

Телефон заверещал на всю квартиру. Было ровно десять – по всей видимости, мое личное критическое время. «Опять эта сволочь», – подумала я, имея в виду Егора. И ошиблась.

– Добрый вечер, Марина, – сказала трубка голосом Горчакова.

– Добрый вечер, – эхом откликнулась я и затаила дыхание.

Прежде шеф никогда не звонил мне домой, это было чем-то из ряда вон выходящим. Наверное, примерно то же самое чувствовала моя знакомая, выигравшая однажды музыкальный конкурс и сфотографировавшаяся в обнимку с гастролировавшим в Москве Крисом Норманом. Интересно, чего шеф хочет?

Он хотел, чтобы мы с Липой снова поехали к нему на дачу на два дня.

– Надо проверить все договоры за последние полгода, – пояснил он. – У нас с Потоцким возникли вопросы. Нужна кое-какая статистика. Поможете?

– Конечно.

Я знала, с чем могут быть связаны его проблемы. Вернее, с кем. Но где кроется корень всего происходящего? Действительно ли Горчаков в чем-то виноват или он просто мешает кому-то из сильных мира сего?

– Я заеду за вами в девять утра. Не рано? – спросил он, словно не замечая моих односложных ответов.

– Конечно, нет.

– Немного поработаем, потом отоспитесь, – пообещал он. – И еще будут сверхурочные.

– Чудесно, – сказала я, не сумев, впрочем, достаточно искусно изобразить радость.

Деньги интересовали сейчас меня меньше всего. Я надеялась, что Горчаков скажет что-то личное, особенное, что будет согревать мое сердце на протяжении предстоящей одинокой ночи. Но он ничего не сказал. «Размечталась, – укорила я себя, осторожно возвращая трубку на место. – Горчаков может позволить себе разок расслабиться, пофлиртовать со своей служащей, но голову он из-за нее точно не потеряет».

Погасив везде свет и вырубив телевизор, я вышла на балкон и подставила лицо ветру. Я любила представлять, что этот ветер прилетел откуда-нибудь с далекого теплого моря и перед тем, как коснуться моего лица, полоскался в парусах яхт и шелестел в ветвях деревьев, на которых растут апельсины и финики. Конечно, это была игра. Часть моего сознания даже в миг наивысшего блаженства четко осознавала, что московский ветер собирает за день массу всякой гадости.

Прямо под моим балконом стоял человек и, задрав голову, смотрел вверх. Очнувшись от своих грез, я увидела зловещую фигуру и вздрогнула. Опять фээсбэшник? Кто же еще. Надо рассмотреть его как следует и потом рассказать о нем Вере. Мы ведь собираем досье. Ну и болван – встал прямо под фонарем! Конечно, со второго этажа особых примет не разглядеть, родинки там или ямочки на подбородке.

Блондин среднего роста, примерно метр семьдесят – метр семьдесят пять, фигура спортивная, плечи широкие, ноги длинные и крепкие. Наверное, его заставляют бегать на тренировках в полном обмундировании. Или у них нет формы? Я ничего не знала про Федеральную службу безопасности. Только всякие мелочи, которые пишут в газетах. Гораздо больше я знала про ЦРУ и ФБР – благодаря политическим детективам и десяткам голливудских фильмов, которые смотрела на видео. Еще я заметила, что мужчина щурится. Неужели он плохо видит? Хотя бы контактные линзы вставил. Посылать на задание полуслепому – глупость несусветная. Вдруг придется стрелять?

Увидев, что я смотрю на него, соглядатай попятился и, повернувшись, нырнул в ближайшие кусты. Интересно, узнаю я его, если встречу снова? Вполне возможно. Но зачем они следят за мной? Боятся, что я пойду против них? Вера уверяла, что за ней никогда никто не ходил. Почему же я постоянно достаиваюсь такой чести? Искать ответы у себя самой было бессмысленно, поэтому я проверила цепочку на двери, замки и легла спать, не забыв завести будильник на восемь часов. Утром предстояла встреча с Горчаковым, и мне нужен запас времени, чтобы успеть себя подреставрировать. Потому что если раньше я выспалась и выглядела отдохнувшей, то в последнее время медленно разрушалась, как дерево, подтачиваемое термитами.

Горчаков приехал за мной один.

– А где Липа? – спросила я подозрительно, но тотчас смутилась, словно невинная девица, которая опасливо косится на каждые брюки. – Мы за ней заедем?

– Липа приедет позже, сначала она должна сделать кое-что в офисе.

– Понятно, – смирилась я.

Ситуация меня очень даже устраивала: только мы вдвоем, музыка и многозначительное молчание. Впрочем, Горчаков наверняка будет занят дорогой или выберет для разговора какую-нибудь нейтральную тему. Потому что, если бы он испытывал ко мне хоть какие-то то

чувства, не потащил бы второй раз на дачу, где меня ждет свидание с его женой и сынишкой. «А мне ведь приказано его соблазнить, – вдруг вспомнила я. – Может, заняться этим прямо сейчас? В конце концов, я не могу отказать от задания после того, как убили моего мужа? Я понесла слишком суровое наказание за непослушание, но у меня ведь есть еще и брат...»

Я не понимала – обманываю себя или нет. Хочется мне близости с шефом или я действительно боюсь людей Шлыкова? Через некоторое время я пришла к выводу, что близости мне, безусловно, хочется, но только настоящей, а не той, которую я могу спровоцировать сама из боязни потерять кого-нибудь из родственников. Что делать? Я решила положиться на судьбу. Ведь я на самом деле без ума от Горчакова, и мне не придется притворяться. Просто надо перестать скрывать свои чувства. Вот только его жена! Похоже, он ее любит. Правда, я никогда и не обольщалась насчет каких-то серьезных отношений между нами.

– У нас на фирме неприятности, – сказал Горчаков, когда мы выехали на шоссе. – Путаница со счетами и вообще... Похоже на саботаж.

Я испуганно вздрогнула, и он, кажется, это заметил. Сегодня шеф был в голубой рубашке, под расстегнутыми пуговицами которой виднелась загорелая грудь. Возможно, он плохо спал, под его глазами залегли тени, но, как бы то ни было, он по-прежнему казался мне самым привлекательным мужчиной на земле.

– Будем разбираться с договорами, – обнадежила его я.

– Марина, я рад, что мы с вами одни, – неожиданно сказал шеф, не поворачивая головы.

– Да?

– Нам нужно поговорить.

Сердце мое тотчас же заныло. Я знала абсолютно точно: когда мужчина по-настоящему интересуется женщиной, он вовсе не склонен заводить с ней разговоры. Мужчины вообще не любят говорить о чувствах, только о делах. Я вздохнула.

– Вы в последнее время не замечали в офисе ничего странного? – продолжал между тем шеф.

Тревога взяла в руки прутик и слегка хлестнула по сердцу. Неужели Горчаков меня подозревает? Откуда я знаю, что за хороводы водит вокруг него ФСБ?

– Я понимаю, у вас большое горе и вы держитесь изо всех сил, но все же именно ваш внимательный и трезвый ум мог заметить что-нибудь неладное.

– А вы уверены, что неладное действительно происходит? – Я попыталась увильнуть от ответа.

Вот еще одно испытание! Врать своему кумиру прямо в глаза. Отличную же роль отвел мне Шлыков, ничего не скажешь!

– Давайте договоримся: если в офисе будет происходить что-нибудь странное... скажем так, нетипичное, вы сразу же придете ко мне, хорошо?

– Конечно! – воскликнула я, мысленно проклиная все на свете.

Интересно, придется ли мне когда-нибудь отвечать за свои проделки перед Горчаковым? Нет уж, лучше умереть. В душе я твердо решила, что, если предательство вскроется, я убегу на край света и до конца дней буду в одиночестве переживать свой позор. «Может быть, тебе и не придется скрываться, – подсказало мне услужливое воображение. – В конце операции тебя прикончат, и проблема решится сама собой». Подобная мысль приходила ко мне не первый раз и сильно действовала на нервы.

– Хотите кофе? – внезапно спросил Горчаков. – Я взял из дома термос. Очень люблю горячий кофе с молоком.

Как будто я не знала! Я знала про него все, что только может знать влюбленная женщина. Если бы Шлыков прикрутил меня к железному столу и показал щипцы для выдергивания ногтей, на него вылился бы такой ушат информации, которого хватило бы на два подразделения разведчиков. Я знала, что Горчаков ест на завтрак, обед и ужин, в какие кафе и рестораны

приглашает партнеров по бизнесу, какого цвета и качества предпочитает одежду, где ее покупает, кому звонит в редкие свободные минуты, в каких фирмах работают его друзья и по каким дням он встречается с ними за ужином. Я знала, что он немножко суеверен и ужасно не любит чисел, в которых попадает цифра «шесть», зато семерка – его счастливое число. Он любит смотреть хоккей по телевизору, хотя сам увлекается игрой в гольф и раз в месяц выбирается в гольф-клуб в Подмоскowie. Дня не хватило бы рассказать все, что я знала о мужчине, который сидел сейчас рядом со мной и смотрел на дорогу, расстилавшуюся впереди.

– Глоток кофе мне бы не повредил, – ответила я.

Если честно, меня слегка удручало, что шеф специально отметил мой ум. Явно очко не в мою пользу. В идеале мужчины, конечно, должны особо ценить умных и неординарных женщин. Но я-то понимала, насколько идеал далек от реальной жизни.

На очередной стоянке Горчаков затормозил. Рядом находились бензоколонка, мини-маркет, а также ларек с прохладительными напитками и всякой мелочовкой.

– Купить вам что-нибудь? Шоколадку или орешки?

– Да нет, не стоит, – сказала я, по инерции избегая его взгляда.

– Может быть, разомнем ноги? – предложил он.

Я согласилась и вылезла из машины. Горчаков вытащил из сумки термос и, отвинтив крышечку, наполнил ее кофе. Подал мне и внимательно наблюдал, как я пью.

– А вы? – поинтересовалась я.

– Позже.

Как только я отдала ему опустевшую крышку, шеф тут же налил в нее кофе для себя и стал пить, стараясь попасть губами в след от моей помады. «Или он не брезглив, – подумала я, – или это такая форма заигрывания». Через некоторое время выяснилось, что это было именно заигрывание, потому что Горчаков поставил термос на асфальт и внезапно придвинулся ко мне так близко, что я вынуждена была прижаться спиной к машине.

– Теперь поедим? – пролепетала я, глядя в сторону.

«Тоже мне, соблазнительница! – пронеслось в моей голове. – Именно в такие минуты выясняется, до какой степени ты труслива. А роковые женщины никогда не поджимают хвост». Не знаю, почему я вдруг вспомнила про роковых женщин? Не с моей внешностью играть в такие игры.

Горчаков смотрел на меня, не отрываясь. Если бы он улыбнулся хотя бы уголками губ, все выглядело бы не так серьезно. «Надо просто сыграть роль, разве это так трудно?» – сказала я себе, закрыв глаза и пытаясь сосредоточиться. Стоявший в непосредственной близости Горчаков, вероятно, воспринял это как приглашение к действию и полез целоваться.

Он нравился мне так сильно, что я задрожала, как вспугнутый заяц. Объятия тотчас же сделались теснее. Вместо того чтобы наслаждаться поцелуем, я распереживалась: вдруг в этот момент мимо проезжает Липа и пялится на нас из окна автобуса? Или Альбина отправилась по делам и заметила машину мужа, а рядом с ней его самого, целующегося с какой-то девицей? Сейчас она подкрадется сзади и как завопит!

Я непроизвольно втянула голову в плечи. Горчаков сразу отстранился и заглянул мне в глаза:

– Что, неужели это так отвратительно? – спросил он.

Вероятно, я казалась ему бревном, покрытым инеем.

– Что?

– То, что я делаю?

«Это замечательно, – хотела выкрикнуть я. – Великолепно, потрясающе!..» А вслух сказала:

– Это непорядочно, вас Альбина ждет.

– Вы ничего не знаете. – Горчаков отпустил меня, насупился и, засунув руки в карманы, угрюмо уставился себе под ноги. – Она не является препятствием.

Я горько усмехнулась. Ну, конечно. Жена! Какое же это препятствие? Правда, сознание того, что Горчаков, мой идол, такой же, как все остальные мужчины, ничуть не остудило мою горячность. Если бы не вмешательство Шлыкова, если бы Горчаков повел себя так же хотя бы месяц назад, я бы не смогла от него оторваться и прямо здесь, на автостраде, призналась ему в любви.

– Ладно, разберемся с этим позже, – сказал он и открыл для меня дверцу машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.